

Памяти Учителя и друга

Профессор Понтер Шеллонг.. Его имя известно детским гематологам многих стран.

Вся его профессиональная жизнь была связана с Мюнстером, небольшим университетским городом Западной Германии, на границе с Голландией, центром которого является Университет, носящий имя замечательного врача Альбера Швейцера. Здесь, в университетской клинике, Понтер Шеллонг проработал всю свою жизнь, придя туда научным сотрудником сразу же после получения лицензии на медицинскую деятельность в 1951 г. и до выхода на пенсию в 1991 г. в качестве профессора, руководителя детской клиники гематологии и иммунологии. Профессор Шеллонг для меня типичный представитель немецкой медицинской школы — знающий, преданный своему делу, умеющий внушить доверие пациенту, никогда не делающим ничего «кое-как». Любитель классической музыки, он сам профессионально играл на виолончели — это особенность немецких медиков — все на чем-нибудь играют. И при этом — человек, способный принимать нестандартные решения и совершать смелые поступки. Как не назвать смелым его согласие принять предложение молодого деятельного Х. Рима из Берлина в начале 70-х годов прошлого века — применить для лечения острого лимфолейкоза у детей протокол, интенсивность которого тогда испугала признанных авторитетов детской гематологии. Согласились только 2 молодых врача. Названия городов, где они работали, вошли в историю онкогематологии. Протоколы БФМ (Берлин, Франкфурт, Мюнстер) для лечения острых лейкозов и лимфом у детей, подростков и молодых взрослых сейчас имеют безупречный авторитет и используются повсеместно не только в Европе, но и в странах Южной Америки, России и Ближнего и Дальнего Востока.

А в разгар перестроечной зимней разрухи приехать на неизвестную конференцию в российскую глушь (деревню Поленово), где рассказывать о достижениях детской онкогематологии?! Если российскому интеллигенту это название говорит многое, то западному немцу ровным счетом ничего. Это потом, на месте, небольшая группа западных профессоров, согласившихся принять участие в этом кажущемся авантюрой мероприятии (между прочим — приехали за свой счет), узнали, что совсем рядом здесь жил Лев Толстой, а в усадьбе Поленово — знаменитые русские художники и весь цвет российской культуры бывал у них в гостях. Иностранцы тогда, выезжая в Россию и опасаясь голодных вечеров, возили с собой сублимированные продукты и пакетики с сахаром — чем и нагрестила Шеллонга его замечательная жена фрау Эрика. Она не решилась на это путешествие, боясь холода и разрухи,

а приехавшие гости были в восторге от русской зимы, бани, пельменей и потрясающе живого интереса аудитории российских детских гематологов, которые приехали со всего тогда еще СССР. Они увидели, что мы есть, мы настоящие, и именно тогда начались контакты профессионалов — наши врачи поехали стажироваться в разные страны, в основном в Германию. Мало кто знал тогда язык, так, немного школьный английский, но с жадностью и опытом учились, привозили протоколы и сдвинули это неуклюжее судно детской гематологии/онкологии с мели. Это стало началом истинной детской гематологии/онкологии. Что из этого получилось, знают все, а вот как начиналось и кто были герои этих событий — почти забыли. Но я хочу напомнить — одним из первых, позвавших российских врачей в одну из лучших детских клиник Германии, готовый поделиться опытом работы, был профессор Понтер Шеллонг. Я была первой в этом списке, растянувшимся на годы. Целый месяц жила у них с фрау Эрикой в доме, мы с профессором утром на велосипедах (машину отдал в пользование жене) ехали в клинику, которой он заведовал, по грунтовым дорожкам через ухоженные огороды. Профессор ради меня проводил обходы в отделении на английском (я совсем не знаю немецкий).

А вечерами он помогал мне понять детали протоколов лечения, также написанных на немецком. Как известно, он был одним из ведущих специалистов в лечении лимфомы Ходжкина, и мы подробно разбирали детали лучевой терапии, столь важной в лечении этой опухоли. Я очень огорчилась, понимая, что у нас в стране просто нет такой техники, как в этом маленьком немецком городке, да и, наверное, долго не будет.

Я ошиблась. Сейчас у нас есть многое из того, чем я тогда так восхищалась. И лечить, в общем-то, научились неплохо, хотя пока еще не везде, а при желании,

На обходе в клинике Мюнстера: Е.В. Самочатова и проф. Г. Шеллонг

разумной организации (чему мы пока так и не научились) и грамотном руководстве могли бы это делать намного лучше. И когда в обществе коллег заходит речь о состоянии нашей медицины, я всегда вспоминаю элегантного красивого седого профессора, который еще долгие годы приезжал в Россию и на Украину, учил, ворчал, обижался на то, что не слушаем советов, не понимал, почему не исправляем очевидных досадных ошибок, но все чаще хвалимся достижениями.

Профессор Понтер Шеллонг прожил долгую жизнь, которая до последнего дня была посвящена любимому делу — педиатрической гематологии и онкогематологии. И он преподавал нам великую педиатрическую заповедь — что бы ты ни делал, какие бы посты не занимал, какими бы сложными не были решения, твои поступки всегда должны совершаться только во благо пациента.

*Заслуженный врач России,
профессор Елена Владимировна Самочатова
(ФНКЦ ДГОИ им. Дмитрия Рогачева)*

С уходом из жизни профессора Шеллонга закончилась целая эпоха в профессиональной жизни детских врачей из России и бывших стран СНГ.

О его высоком профессионализме сказано уже немало, хотя и недостаточно: тот вклад, который он лично внес в мировую детскую онкологию, невозможно переоценить. Но для меня профессор Шеллонг навсегда останется по-настоящему родным человеком, сделавшим для меня лично неизмеримо много.

Я хорошо помню нашу первую встречу в нашем отделении в сентябре 1991 г.: его вместе с проф. Цандером пригласил проф. Б.В. Афанасьев для ознакомления с вновь организованным центром трансплантации костного мозга на базе 31-й городской больницы. Я помню, как он морщился от наших неуклюжих докладов о больных, от наших ответов на его вопросы... Мы тогда очень мало знали о современном состоянии дел в европейской детской онкологии и лечили пациентов соответственно... Это был его первый визит в статусе пенсионера, он только что завершил работу в детской онкологической клинике Мюнстера, уступив ее руководство проф. Юргенсу. Он был очень открыт, рассказывал о своих внуках (тогда у него только родилась третья внучка Валерия, а вообще у Эрики и Понтера Шеллонгов — 10 внуков).

В разговоре после обхода выяснилось, что я еду на стажировку в Эппендорф на 3 месяца. Он тут же сказал, что я обязательно должна посетить и клинику детской онкологии в Мюнстере, что он меня туда приглашает. Я тогда находилась в тихой панике от неизвестности и страхе от предстоящей стажировки в логове фашистов... Для меня — ребенка двух фронтовиков-блокадников — все немцы тогда были потомками фашистов...

И восприняла я это приглашение примерно, как в известном фильме — «Будете у нас на Кольме, заходите...».

Но когда на исходе 2 месяцев моей стажировки в Эппендорфе моя руководительница профессор Г. Янка-Шауб сказала, что звонил профессор Шеллонг и про-

сил направить меня в Мюнстер на несколько дней, я поняла серьезность его приглашения. И впоследствии я убедилась в этом его качестве ни один раз — он никогда ничего не говорил просто так, это всегда было продумано и аргументировано.

Профессор взяла мне билеты на поезд и я, как договаривались, позвонила в Мюнстер сообщить, когда я приезжаю. Услышав, что я собираюсь приехать вечером, он попросил приехать на пару часов раньше, чтобы успеть показать мне город при свете дня (в декабре рано темнеет). Я не переставала удивляться...

Встретив меня на перроне, он первым делом осведомился, не голодна ли я (у него уже сложилось представление о русских докторках, которым очень нравилась немецкая еда, да и вообще — любая еда, вспомните наши голодные 1990-е). Мы положили мою дорожную сумку в машину, и он повел меня на экскурсию по городу. Боюсь, что его первое впечатление обо мне было не очень хорошим — я просто не закрывала удивленно открытого рта от красоты окружающего и от его рассказа. И еще — от сознания нереальности происходящего: Ученый, Врач с мировым именем тратит на меня свое время, с упоением рассказывает про архитектуру, историю, обычаи. И кому — мне, питерской девчонке, которую видит второй раз в жизни! Это было незабываемо! И потом, практически ежегодно бывая в Мюнстере, я смотрела на город и вспоминала его комментарии.

А потом он привел меня в клинику. Я помню, с каким уважением тогда его встречал персонал отделения. И ответ этого уважения невольно падал и на меня. Доктора и сестры терпеливо отвечали на мои вопросы, хотя я явно отвлекала их от повседневной работы, к тому же я говорила только на английском.

А вечерами учеба продолжалась дома (многие из детских врачей России, Украины и Белоруссии хорошо знают этот замечательный гостеприимный дом Эрики и Понтера Шеллонгов). После ужина, убрав посуду, мы, сидя за большим круглым столом под уютной лампой

с абажуром, говорили о протоколах, о больных, о научной работе...

Профессор Шеллонг ввел меня в мир медицинской статистики: объяснив раз, как высчитываются кривые Каплана—Майера, он устроил мне экзамен, дав задание рассчитать вручную кривые выживаемости. С тех самых пор, я помня даже его интонации превосходного педагога, не жалею времени для объяснения этих понятий моим молодым коллегам и студентам.

Он много рассказывал о возникновении группы БФМ, иногда даже такие детали, которые не были известны широкой медицинской общественности.

Я видела, как он работает над научными статьями. Его высочайшая требовательность к достоверности материала была залогом того, что этим данным можно было верить безоговорочно. Я помню, как однажды мы обсуждали что-то по этому поводу с доктором Фридрихом и он сказал: "Schellong is deadly honest..." (Шеллонг смертельно честен). И это правда, я не раз была свидетелем, когда он во время работы над проектом по поздним осложнениям лечения болезни Ходжкина требовал от своего дата-менеджера еще раз перепроверить все сведения о пациентах, если что-то вызывало сомнения.

Это был один из самых важных уроков, полученных от моих немецких учителей: данные должны быть чистыми, твоя репутация незыблемой, тогда опубликованные тобой материалы действительно принесут пользу врачам и больным.

Я училась у профессора Шеллонга общению с больными и их родителями. Его искренняя заинтересованность в общении и добрая улыбка часто встают у меня перед глазами.

Как-то сложилось, что я приезжала в Мюнстер ежегодно в течение 10—12 лет и всегда жила в их замечательном гостеприимном доме. Эрика и Гюнтер стали для меня «немецкими родителями», я всегда чувствовала искреннюю заботу не только о моем профессиональном росте, но и о бытовых и семейных вещах. Однажды вечером, сидя за тем же круглым столом, мы играли в настольную игру (это еще одно из удовольствий, никогда ранее мною не испытанных во взрослом состоянии). И Эрика так и сказала: «У нас 5 детей и мы считаем тебя своей шестой дочкой». Мне предложили называть их на «ты», что было величайшим актом доверия. С Гюнтером мы были большими друзьями, а Эрику я до сих пор называю ласковым немецким словом "mutti" (мамочка).

Профессор Шеллонг, будучи по своей сути выдающимся педиатром, прекрасно понимал, что детским онкологам, обучением которых он руководил в Германии, необходимы квалифицированные специалисты других педиатрических специальностей. И программа профессиональных тренингов была расширена для детских врачей разных специальностей. Реаниматологи,

офтальмологи, ЛОР-врачи, детские хирурги — целая армия российских, украинских и белорусских врачей стажировалась в разных клиниках Германии. Многие из тех учеников до сих пор поддерживают контакты не только профессиональные, но и дружеские, памятуя, что дружба эта зародилась в Германии. «Птенцы того гнезда ...»: сейчас это маститые профессионалы, а тогда это были — Ольга Алейникова, Елена Самочатова, Светлана Донская, Рита Белогурова...

Профессор Шеллонг учил нас кооперативной работе, дисциплине работы по протоколам. Он как-то сказал, что одновременно участвовал в работе 7 кооперативных исследований, в 2 из которых он был руководителем («Острый миелоидный лейкоз» и «Болезнь Ходжкина»). Теперь, когда наша клиника участвует в работе нескольких кооперативных исследований, я могу оценить, какую колоссальную работу он вел!

Ни одна поездка в Мюнстер не обходилась без получения «гуманитарной помощи» от университетской клиники: профессор Шеллонг имел возможность оплачивать необходимые нам лекарства или расходные материалы по ценам, возможным только при закупке клиникой. Его секретари вынуждены были делать и эту дополнительную работу: заниматься нашими нуждами.

Первый в своей жизни постер на зарубежном симпозиуме я тоже делала под его руководством. Профессор Шеллонг и другие наши учителя (Гритта Янка-Шауб, Альфред Райтер) пристально следили за нашими профессиональными успехами, заинтересованно обсуждая результаты использованных в клинике новых лечебных программ. Они прекрасно знали все наши трудности, поскольку мы очень часто тревожили их своими вопросами по конкретным больным и ситуациям. И очень искренне радовались нашим первым победам. Одной из наиболее значимых стало достижение 80 % бессобытийной выживаемости при В-клеточных лимфомах при использовании модифицированного протокола В-NHL-BFM-90. Профессор Шеллонг сразу же предложил доложить об этом на очередном симпозиуме по лейкозам, который проходил в Мюнстере, его секретари помогли оформить постерный доклад и мы с гордостью представили наш первый постер на международном симпозиуме.

Он был инициатором организации отдельной секции по результатам лечения детей в экономически проблемных странах на Конгрессе SIOP в Вене в 1996 г. Опять же по его рекомендации мой доклад по лечению В-клеточных лимфом в нашем отделении был включен в программу мероприятия.

Это был мой первый доклад на крупном международном симпозиуме. Сказать, что я боялась — не сказать ничего. Как почти пропал голос, подкашивались ноги, пересохло во рту и только успокаивающее покачивание головой профессора Шеллонга, сидящего в первом ряду, придавало мне сил.

Конгресс SIOP в Вене, 1996 г. В центре фото (слева направо): М.Б. Белогурова, проф. Г. Янка-Шауб и проф. Г. Шеллонг

Конечно, мы обсуждали не только профессиональные вопросы. Он много рассказывал о своей семье, об отце, который тоже был врачом и музыкантом, но рано умер. Его маму я застала в живых, она жила в Альтенхайме — доме для пожилых людей, и мы часто навещали ее там. Помню, как он катил ее коляску по аллее, наклоняясь и отвечая на ее вопросы.

Конечно, мы никак не могли обойти тему войны. Меня, разумеется, интересовало, что он делал во время войны, ведь он был лишь немногим младше моих родителей-фронтовиков. И он рассказывал: как он был мобилизован, как учили стрелять, как он был счастлив, что никого не убил! Он так и говорил: «Я счастлив, что никого не убил за то время, что был на фронте». Как попал в плен к американцам, как голодал там и если бы ни друг отца, который работал в этом лагере для военнопленных и вызволил его оттуда, неизвестно, узнало бы человечество профессора Гюнтера Шеллонга.

Музыка занимала в его жизни особое место. Он великолепно играл на виолончели, причем самый трудный репертуар. Многие помнят концерты во время международных симпозиумов, где исполнителями классической музыки были детские врачи. Меня совершенно поразил один его подарок: пластинка с записью классического репертуара, который исполнял оркестр детских врачей Германии. Потом я получала эти записи концертов во время симпозиумов и имела возможность по приезду домой с наслаждением слушать замечательную музыку в исполнении коллег-врачей.

Всем известно, чтобы хорошо исполнять произведение, нужно много репетировать. И я не раз была свидетелем того, как он закрывал дверь в гостиную и часами репетировал.

Иногда они устраивали домашние концерты, в которых участвовал его брат Дитер и взрослые дети. Все

члены семьи практически профессионально владеют разными музыкальными инструментами. Особенно меня поражало, что даже после инсульта, когда у него развился тетрапарез и нарушилось зрение, он восстановился и продолжал также виртуозно исполнять классические произведения. А было это совсем непросто: он часами делал упражнения для глаз по специальной компьютерной программе, очень расстраивался, когда не видел реальных результатов. Из-за постинсультного дефекта зрения он вынужден был оставить вождение автомобиля, что, конечно, осложнило его жизнь, но он не унывал, а продолжал ездить на велосипеде, в том числе и в клинику. Последний новый велосипед семья подарила на 80-летие!

Я помню наши велосипедные прогулки вокруг Мюнстера, он знал все уголки леса и поселки вокруг. Это было особым удовольствием моих пребываний в доме профессора Шеллонга. Он знал названия растений по-немецки, а я — только по-русски, мы обменивались этими знаниями и нас это очень веселило.

Для того чтобы лучше общаться с молодыми коллегами, профессор Шеллонг со своей женой Эрикой посещали занятия по русскому языку. А дома они делали домашнее задание, очень скрупулезно, добросовестно, со словарем и транскрипцией. Иногда просили меня помочь, что я и делала с большим удовольствием, не переставая удивляться жизненной силе этой замечательной пары.

Конечно, он помогал всем и всегда. Особенно часто к его помощи прибегали больные из Украины, которым было нужно проводить лучевую терапию. Он лично занимался устройством этих пациентов на облучение, отслеживал процесс терапии и откликался на различные просьбы больных и их родственников.

Помню его, работающего в их маленьком саду: Эрика давала ему задание, например, по сбору облетевших листьев — и профессор, вооружившись специальными граблями, очень азартно сгребал в кучи опавшую листву.

Он работал практически до последнего дня. Его последний проект по поздним осложнениям лечения болезни Ходжкина у детей остался незавершенным, но он и его команда сделали очень многое, что повлияло на изменение лечебных подходов к этой категории больных.

Низкий поклон его светлой памяти и безмерная благодарность Господу за присутствие профессора Гюнтера Шеллонга в моей жизни.

*Д.м.н., профессор Маргарита Борисовна Белогурова
(Городская клиническая больница № 31,
Санкт-Петербург)*